

Ревю

фестиваль

Гришковец дал урок истории

Вся Австрия дружно отмечает семидесятилетие гражданской войны 1934 года, в ходе которой фашисты окончательно задавили социал-демократов. Венский театральный фестиваль посвятил этой малозаметной войне специальную программу под названием «Словарь молчания». Готовились все ужасно серьезно, но ни один из проектов программы не заслужил в Вене такого безусловного одобрения публики, как моноспектакль Евгения Гришковца «Дядя Отто болен». Несмотря на венский экстаз, ему суждена рекордно короткая жизнь — спектакль сыграли всего пять раз, и больше его никто и никогда не увидит.

«Дядя Отто болен»
на Венском
театральном
фестивале

Евгений Гришковец вспомнил в Вене о дяде Отто и удостоился аплодисментов местных жителей Фотограф: Армин Бардель

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ ВЕНА

Ситуация «датского» спектакля, который делается только ради денег и ни для чего больше, гадка и неприятна. Любому ведь ясно, что судьбы Австрии Гришковцу, откровенно говоря, по барабану и вряд ли он вообще имел понятие об этой самой войне до момента получения аванса от организаторов. Что ему австрийская Гекуба? Любого другого на гришковцовском месте ждал бы некрасивый конфуз, а в придачу еще и обидный ярлык конъюнктурщика. Но Гришковец непостижимым образом выкрутился — благодаря секретному оружию, которым в нашем театре может воспользоваться только он и никто больше. Называется это оружие искренность.

Свой спектакль он начинает с явки с повинной. Прием безошибочный: повинись — тебе, глядишь, и скидка выйдет. Гришковец рассказывает все как есть — и про заказ, и про то, как Wiener Festwochen перевел для него кучу исторических материалов. «Я честно все прочитал, — доверительно делится Гришковец, — и понял: зря я ввязался в эту историю».

Это «зря» тут же будет подкреплено наглядным примером. Гришковец хватается новехонький портновский метр и беспощадно

портит. Крохотный кусочек, вырезанный из самой середины, предъявляется зрителю — ну что, в самом деле, можно сказать об одном миллиметре, ничего толком не зная об остальных девяностых девяностых? Обрезок быстренько куда-то заваливается под стол, и Гришковец, забыв про него, начинает рассказывать, о чем ему самому хочется — о дяде Отто.

Дядя Отто интересен Гришковцу прежде всего тем, что этого старого чудака никогда не существовало на свете. «Дядя Отто болен» — это пароль социал-демократов, который якобы должен был служить условным сигналом для начала всеобщей стачки. Лидеры пролетариата никакой забастовки не планировали, но кто-то напортачил с паролем, и из-за эфемерного дяди Отто случилось то, что случилось. По другим источникам, как уверяет Гришковец, это был дядя Карл. По третьим — вообще тетя Эмма.

Сам Гришковец к своему «Дяде Отто» относится с некоторым пренебрежением (заказуха, она и есть заказуха), и, конечно, он прав: этот спектакль — не бог весть какое событие в его творческой биографии. Но именно по этой причине он более расчётлив и в нем лучше видна театральная технология, используемая Гришковцом. Технология, собственно, совсем простая: при-

близиться и удивиться. Трезво восприняв заповеди Козьмы Пруткова (это насчет того, что никогда не следует обниматься с необъятным), Гришковец упорно ведет от общего к частному. К тому светлому шарфику, что выбивался из-под пальто убитого рабочего. К выкинутому билету на спектакль Венской оперы, отмененный по случаю стрельбы. К телефонистке, которая в тот день, наверное, сошла с ума, сто раз выслушав фразу про болезнь дяди Отто (сколько же у старика племянников в Вене!). К расстрелянным домам, которые, если вдуматься, жутко красиво выглядели в момент пожара.

В былые годы Гришковец показал венцам едва ли не все свои спектакли — «Как я съел собаку», «Планету», «Дредноуты» (в последнем, к слову сказать, тоже шла речь о чужой истории) — и всегда считался любимцем Венского театрального фестиваля. Но ни одна из прежних работ не вызвала в Вене такой бури восторгов, как скромный по нашим представлениям спектакль «Дядя Отто болен». Возможно, австрийцам кажется, что спектакль получился только благодаря пресловутой «всемирной отзывчивости» русских. Но они ошибаются. Гришковец не отзывчив, он просто рассказывает о самом себе. А австрийцы думают, что о них.

“внутри меня есть социальный заказчик”

Евгений Гришковец — Газете

Премьера спектакля «Дядя Отто болен» имела у венской публики и критиков ошеломительный успех. Об истории появления спектакля его автор и исполнитель Евгений Гришковец рассказал корреспонденту Газеты Глебу Ситковскому.

Оказывается, понятие «социальный заказ», умерев у нас вместе с исчезновением СССР, прекрасно продолжает существовать на Западе. Как ты относишься к этому понятию? Имеет оно право на существование? Наверное, имеет, но я про это ничего не знаю. Это мой первый опыт работы по заказу. Спектакль в итоге у меня получился небезуспешный. Но раскачивание перед моментом, когда я наконец взялся за работу, было для меня настолько мучительным, что я постараюсь больше никогда по заказу не работать. Заказ — это когда инициатива спектакля принадлежит не мне. А что такое «социальный заказ», я, честно говоря, вообще не понимаю.

Наверное, под социальным заказом подразумевается ситуация, когда государство хочет от искусства, чтобы оно будило в зрителях гражданские чувства. Ну если в этом смысле, то внутри меня есть социальный заказчик. Я думаю, что вообще все мои спектакли не без соцзаказа. Это потому, что я сам есть часть социума. Сам себе заказываю, сам себе исполняю.

В прошлом году в России отмечался десятилетний юбилей путча 1993 года. Вообразим ситуацию, что тебя просят подготовить спектакль к дате. Получилось бы? Тебе было бы проще или сложнее, чем с чужой историей? Это было бы невозможно. Об этом можно говорить только с какой-то дистанции. Когда я рассказываю про австрийские собы-

тия 1934 года, то мне все равно. Даже если бы они были вчера, для меня это не было бы трудно. Все равно это не мое. А про наш 1993 год — совсем другое дело. Я даже не могу себе представить, что должно произойти, чтобы во мне эта тема настолько актуализировалась.

Венцы тебе предложили сделать спектакль про политику, но ты всех обманул и про политику говорить отказался. Почему?

А я не разбираюсь в австрийской политике. Если бы я начал говорить об их политике, то австрийцам было бы обидно. В любом случае обидно. Даже если бы я кого-то хвалил, в зале нашлись бы люди, которые со мной не согласны.

Ну все-таки сидящие в зале более или менее согласны с тем, что фашизм — это плохо. Их этому в школе учат. Не учат их этому. Сходи в венский музей военной истории, и ты увидишь, что там стоит только один шкафчик, посвященный гражданской войне 1934 года, а рядом — огромный зал, посвященный жизни и деятельности канцлера Дольфуса. А ведь он был фашист, без всяких оговорок. Правда, он был против того, чтобы Австрия подчинилась нацистской Германии, он ориентировался на итальянцев. Маленький, метр шестьдесят рост, с усами... Типичный диктатор. Но согласись, что, если бы какой-то иностранец, не зная тонкостей, стал рассуждать о Сталине, нам бы это не понравилось. Вот и им было бы неприятно.

Ты собираешься показать спектакль в России? Нет, конечно. Это могло бы иметь смысл только для ознакомления с моим творчеством только уж самых каких-то верных моих поклонников. Но все равно было бы странно, если бы я стал русской публике рассказывать о своих взаимоотношениях с Веной. Этот спектакль неконвертируемый, его не то что из Австрии, но даже из Вены не стоит вывозить.

Насколько я понимаю, никаких планов по выпуску новых спектаклей у тебя в ближайшей перспективе нет? Я намерен сделать паузу для того, чтобы соскучиться по театру. В последние четыре года я слишком активно работал. Сейчас открылись другие пространства для деятельности — вот написал роман, и я ощущаю от этого большую радость. Старые спектакли буду продолжать играть, а нового в ближайший сезон точно ничего делать не буду.

В Вену еще вернешься? Не знаю. Я уже три года подряд участвовал в Венском фестивале со своими спектаклями. Сколько можно? Может, не на фестивали приеду, а просто так. Не так уж много городов в своей жизни я знаю настолько хорошо, как Вену. Наверняка мне еще захочется съездить штрудель с маком, который я больше не встречал ни в одной стране. А какой здесь творческий пирог! Я такого не ел нигде в мире.

Ты что, сладкоежка? Еще какой.